

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУРЕНЦОВА

A.I. Kurentsov's Annual Memorial Meetings

2007

вып. XVIII

УДК 595.781

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Г.Ф. ХРИСТОФА (1876–1877 гг.)

Е.В. Новомодный

Хабаровский филиал ФГУП «Тихоокеанский научно-исследовательский
рыбохозяйственный центр» (ТИНРО-Центр), г. Хабаровск

Излагаются причины малой известности исследований Г.Ф. Христофа в Приамурье и Приморье. Кратко охарактеризованы его жизненный путь и труды. Приводится перевод с немецкого языка полного текста писем, опубликованных в 1878 г. и содержащих отчет о поездке на Дальний Восток России.

Новые, только что приобретенные Российской империей в XVIII–XIX вв. земли на востоке в первую очередь исследовались учеными иностранного, в основном немецкого, происхождения. Многие труды, особенно в начале карьеры, они писали и издавали на родном языке. В результате имеется целый пласт не переведенной на русский язык литературы о прошлом этих территорий, малоизвестный подавляющему большинству наших современников. В данном случае мы предлагаем ознакомиться с переводом писем Г.Ф. Христофа, опубликованных 130 лет назад в энтомологической газете, издававшейся Штеттинским энтомологическим обществом (г. Штеттин, Германия) (Christoph, 1878). Они являются своеобразной, но весьма распространенной вплоть до нашего времени формой обмена информацией между коллегами-энтомологами о проделанной во время экспедиции или за полевой сезон работе. Нельзя сказать, что эта публикация совсем не была известна отечественным ученым, но бросаются в глаза довольно многочисленные неточности. Например, у А.А. Емельянова ошибочно указаны датировка и последний населенный пункт: «Г. Христоф в 1880 г. экскурсировал в Буреинских горах, окрестностях Никольска-Уссурийского, Раздольного, Владивостока, станицы Казакевичево

(на Усури)» (Емельянов, 1937). Согласно А.И. Куренцову, написавшему претендующий на достаточную полноту очерк, посвященный истории изучения фауны булавоусых чешуекрылых Дальнего Востока, «в 1876 г. петербургский лепидоптеролог Х. Христоф вместе со своими спутниками братьями Рюкбайл начал свои исследования с окрестностей Благовещенска» (Куренцов, 1974). В свое время эта фраза также ввела меня в заблуждение, ведь он проработал на российском Дальнем Востоке не год, а полных два полевых сезона и зиму, и жителем Санкт-Петербурга он стал позднее, а в большинстве источников был указан как Г. Христоф! В обоих случаях имеются ошибки библиографического описания, которые сильно затруднили нам поиск статьи в книгохранилищах. Возможно, это следствие того, что указанным авторам не был известен сам первоисточник. Лишь знакомство с ним да ещё с работой О. Штаудингера (Staudinger, 1892) позволило прояснить истинное положение вещей, и это даёт нам полное право отнести Христофа к числу видных исследователей насекомых Приморья и Приамурья.

Учитель, консерватор, энтомолог немецкого происхождения Хуго Теодор Христоф (Hugo Theodor Christoph), которого в России звали Гуго Федоровичем Христофом [очень редко – Кристофом], родился 16 апреля 1831 г. в Саксонии, в г. Гернгут (Herrnhut), неподалеку от Дрездена. «По окончании прогимназии и учительской семинарии с 1858 г. работал учителем в Сарепте, [немецкой колонии, основанной в 1765 г. сектантами-переселенцами (гернгутерами), – ныне это Красноармейский район г. Волгограда]» (Некрутенко, 1990). Увлечшись энтомологией в Германии, он активно продолжил исследования насекомых в окрестностях этого населенного пункта, где так хорошо выражена степная растительность.

О том, как было распространено в то время в Западной Европе изучение родной природы, имеется свидетельство Ю.И. Симашко, одного из основателей Русского энтомологического общества. «В 1846 году двое (А.К. Мандерштерн и Ю.И. Симашко) сблизилась между собой по странной случайности не у себя в Петербурге, где до того могли бы видаться ежедневно, но за границей, на водах в Эмсе; они познакомились на экскурсии, со всеми энтомологическими приборами в руках. Их поразила в Германии, а впоследствии и во Франции чрезвычайно распространенная любовь к естествознанию вообще, и в особенности к энтомологии. ... Оба были поражены тем, до какой степени может быть изучена местная природа, потому что не встречали ничего подобного у себя дома». «Просматривая у сенатора Гейдена список насекомых, водящихся около Франкфурта [на Майне], я выразил желание видеть *Livia jancorum*, интересную форму, которую до того мне не случилось видеть в натуре. Показав насекомое в своей коллекции, гостеприимный сенатор предложил нам сделать вместе с ним на другой день экскурсию, говоря, что мы, судя по времени года, найдем это насекомое живым. Действительно, на другой день, подойдя к довольно обширному болоту, поросшему одним из видов *Juncus*, мы, по указанию сенатора Гейдена, который своими летами вынужден был присесть отдохнуть, нашли искомое насекомое и именно на тех частях

растений, какие он указал. На пути к этому болоту мы видели несколько примеров подобного знания местности и природы: тут он указал нам местность, обильную видами из рода *Clausilia*, там из рода *Vertigo*, тут мимоходом указал на деревья, пораженные вредною молью, живущею в ткани листа между верхнею и нижнею кожицею его и т.п.» (Симашко, 1861). Без сомнения, прекрасно знал родную природу и Г. Христоф.

Подробно изучив степную фауну Поволжья, со временем он расширил район поездок: с 1870 по 1880 год побывал в Закавказье, Персии, Средней Азии, на особенно интересующем нас Дальнем Востоке. Конечно, активные сборы поддерживались собственным интересом, страстью коллекционера насекомых, но по распространенной в то время практике большая часть собранных материалов шла в частные коллекции в качестве платы за финансирование экспедиций и на продажу, через крупнейшую немецкую фирму Отто Штаудингера, торговавшую «натуралиями».

В это время в России появился высокородный энтомолог великий князь Николай Михайлович Романов. «С юных лет, проживая вдали от Петербурга, на Кавказе, в имении Ликани недалеко от Боржоми, Н.М. Романов увлекся энтомологией и естествознанием, начал коллекционировать бабочек. Его детское увлечение поддерживали Г.И. Сиверс, лесничий из Лагодехи на Кавказе Л.Ф. Млокосевич, А. Беккер, которые с 1870 г. (великому князю было тогда 11 лет) занимались сборами для него бабочек. Увлечение столь высокопоставленного лица придавало энтомологии статус наибольшего благопритствования при организации экспедиций и публикации их результатов. Располагая значительными средствами, Н.М. Романов сумел привлечь широкий круг натуралистов к сбору чешуекрылых. В 1880 г. он принял на работу Г.Ф. Христофа, который позже стал хранителем его коллекции. Отношения с Христофом, который был его первым учителем в лепидоптерологии, он особенно ценил всю свою жизнь. На похоронах Г.Ф. Христофа, кончину которого он тяжело переживал [смерть наступила 5 ноября 1894 г. в Санкт-Петербурге], Н.М. Романов сам нес его гроб...» (Некрутенко, 1990; Korolev, Murzin, 1997). Исследователи считают, что Его Высочество забросил лепидоптерологию и безвозмездно передал в 1900 г. свою коллекцию, (тогда одну из крупнейших в мире) в Зоологический музей Академии наук во многом по причине того, что к этому времени уже ушли из жизни большинство его друзей, энтузиастов и соратников по интересам в энтомологии.

Среди известных нам источников дальневосточное путешествие Г.Ф. Христофа наиболее верно описывает крупнейший лепидоптеролог мира О. Штаудингер [Otto Karl Heinrich Richard Staudinger (1830–1900)] в одной из своих фундаментальных работ, обобщающей знания XIX века об амурских чешуекрылых (Staudinger, 1892). Он характеризует земляка-саксонца «как отличного собирателя», но пересказывать приводимые им сведения излишне, так как ниже мы даём полный перевод писем самого Христофа. Наши примечания и дополнения здесь и далее взяты в квадратные скобки.

Сборы Г.Ф. Христофа хранятся во многих крупных энтомологических коллекциях. Вот справка из известной мировой сводки, изданной в Германии. «[Продавал насекомых из своих сборов, в том числе]: aus Südrußland (Sarepta), Kaukasus, Nordpersien, Turkestan, Amur und Ussuri, например, von 1863/89 an Staudinger & Bang-Haas / Dresden. Privat-Sammlung: Russische Coleoptera ex parte an Zool. Mus. Leningrad, ex parte vereinzelt. Lepidoptera von Rußland und Persien ex parte via N. M. Romanoff 1900 an Zool. Mus. Leningrad; ex parte via H. J. Elvers an Brit. Mus. (N. H.) London. Insekten der Amur-Ausbeuten 1877/78 via Staudinger & Bang-Haas / Dresden vereinzelt: Microlepidoptera via Th. Walsingham an Brit. Mus. (N. H.) London» (Horn et al., 1990).

Считаю приятным долгом выразить искреннюю признательность В.В. Дубатолову (ИСиЭЖ СО РАН, г. Новосибирск), по моей просьбе разыскавшему этот редкий письменный источник.

ЛИТЕРАТУРА

Емельянов А.А. Очерк исследований наземных животных Дальнего Востока // Вестник ДВ Филиала АН СССР. 1937. № 27. С. 7–28.

Куренцов А.И. Зоогеография Дальнего Востока СССР на примере распространения чешуекрылых – Rhopalocera. Новосибирск: Наука, 1974. С. 7–10.

Некрутенко Ю.П. Дневные бабочки Кавказа: определитель. Киев: Наукова думка, 1990. 216 с.

Новомодный Е.В. Путешествие Л. Грезера (1881–1885 гг.) и его значение для исследования чешуекрылых (Lepidoptera, Insecta) Дальнего Востока // Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Владивосток: Дальнаука, 2003. Вып. 13. С. 5–30.

Симашко Ю.И. Об открытии и учреждении Русского энтомологического общества // Horae Societatis Entomologicae Rossicae. 1861. Т. 1. С. 45–53.

Christoph H. Nach und vom Amur // Entomologische Zeitung herausgegeben von dem entomologischen Vereine zu Stettin. 1878. No 10–12. S. 201–219, 401–410.

Horn W., Kahle I., Friese G., Gaedike R. Collectiones entomologicae: e. Kompendium ueber d. Verbleib entomolog. Sammlungen d. Welt bis 1960. Berlin: Akad. d. Landwirtschaftswiss. d. DDR, 1990. Teil 1. A bis K. 220 s.

Korolev V.A., Murzin V.S. Historical review // Guide to the butterflies of Russia and adjacent territories (Lepidoptera, Rhopalocera). Vol. 1. Hesperiiidae, Papilionidae, Pieridae, Satyridae / Tuzov V.K., Bogdanov P.V., Deviyatkin A.L., Kaabak A.L., Korolev V.A., Murzin V.S., Samodurov G.D., Tarasov E.A. Sofia; Moscow: Pensoft, 1997. 480 p.

Staudinger, O. Die Macrolepidopteren des Amurgebietes. Theil I // Mémoires sur les Lépidoptères. B. VI. 1892. S. 83–658.

**[Письма о поездке] по Амуру и далее
от Хуго Христофа¹**

(Перевод Е.В. Новомодного)

Никольск [-Уссурийский], 18 декабря 1876 г. [Первое письмо].

О начале моей поездки не могу сообщить ничего или почти ничего энтомологического, так как она пришлась большей частью на зиму. Я покинул Сарепту 16 февраля и объединился в Москве с двумя спутниками, которые должны были собирать птиц и яйца для немецкой орнитологии в Приамурье и которые были готовы в свободное от охоты время помогать мне в сборе насекомых². Конечно, мы имели с собой большое количество багажа, но, несмотря на это, прикупили кое-что на первое время – хорошего качества и дешево – как в Москве, так и в Иркутске. Железная дорога доставила нас от Москвы до Нижнего Новгорода, где я купил предназначенные для поездки по Сибири санитранспорты. Это было довольно вместительное транспортное средство, где внизу находилось объемное место для всех наших вещей, а сверху для нас самих. Само собой разумеется, оно имело откидывающийся тент с войлоком, который мог закрываться для защиты от ветра и непогоды. Опрокидывание таких саней едва ли было возможно – этому препятствуют их широко расставленные полозья. Однако, вместе с тем, часто возникали совсем неприятные ситуации при разъезде с санями других караванов на узкой снежной дороге. В глубоком снегу имеются там и сям глубокие так называемые выбоины, вызывающие сильные и совсем неприятные удары, также было и на льду Волги, от Нижнего Новгорода до Казани, причем так часто, что стало фатальной неизбежностью. От Казани до Перми мы следовали большей частью по течению Камы, а частью по великолепным лесам преимущественно из белой березы, той, которой засажены почти повсюду улицы, а также осины, иногда сохранившихся дубов, но все же нигде не было частой в Восточной Сибири лиственницы.

Из Пермской губернии, конечно, происходят весьма интересные насекомые, так как кроме обычных разновидностей средневропейской фауны здесь будет присутствовать как тонкий слой бореальных элементов, так и немногие гости с азиатского востока. Мне не известно, чтобы эта местность уже специ-

¹ Член нашего общества. Его усердные и успешные исследования в местностях вокруг Сарепты, в отдельных областях Кавказа, восточного берега Каспия, северных приграничных территорий Персии обогатили уже большим материалом и ценными наблюдениями нашу науку. С середины февраля 1876 г. он находится в путешествии по дальнему Северо-Востоку Азии по поручению и на средства доктора О. Штаудингера. Эти сообщения взяты из писем к профессору Целлеру. Прим. редактора газеты. [Филипп Христоф Целлер (Philipp Christoph Zeller, 1808–1883) был крупнейшим авторитетом по микрочешуекрылым XIX в.; его огромный архив, в т.ч. около 3000 писем от энтомологов – его современников – хранится в Лондоне, в Музее натуральной истории].

² Братья Рюкбайл: (Rückbeil, Friedrich Wilhelm & Eugen Georg jun.) работали на фирму Р. Танкре (Tancre, Rudolf).

ально исследовалась энтомологами, однако, к сожалению, такое состояние не будет продолжаться долго, и эта великолепная лесная область скоро будет обезлесена и также превращена в популярную «культурную пустыню». В Перми мы разрешили себе день отдыха, так как нас оставили на сутки без провожатого, и отсюда до Томска мы ехали больше не с почтой, а с централизованным извозом. Ямщик ([по-немецки (!)] «вонючий кучер»), как правило, везет лучше, быстрее, а также значительно более дешево, чем почта. И во время остановок ямщик может на почтовых станциях кроме самовара требовать хлеба, он привозит нас к крестьянским домам, в которых он известен и где мы совсем за бесценок сносно снабжаемся. От Перми лес больше не был так роскошен, часто преобладали искалеченные и тощие сосна обыкновенная и белая береза. Только когда мы достигли западного склона Урала, древостой улучшился и стала встречаться кедровая сосна, здешним народом именуемая кедром.

Будут ли дела идти так же хорошо, подумал я, когда на карте увидел высоко восходящий гребень Уральских гор. Я думаю, что начинающийся скоро за Пермью холм и является западной оконечностью так называемого Урала, поднимающегося лишь незначительно. Также не было трудным продвижение по восточному склону, хотя имелись, конечно, без конца поднимающиеся и круто падающие участки пути. Проехали мимо Екатеринбурга, что для меня было горько, так как там могли увидеть прекрасные работы из камня. Также и металлургическая промышленность, в области развития которой мы теперь были, мало нас занимала; мы спешили вперед, чтобы, где еще возможно, суметь использовать лед Амура для поездки. На восточной стороне Урала исчезла кедровая сосна, а после этого и вообще лес, и до Ирбита местность являлась именно голой, вырубленной. От него до Тюмени поездка совсем стала затруднительна, так как весь путь состоял большей частью из выбоин. Тем не менее возница ехал быстро, и это сопровождалось совершенно выворачивающей душу тряской. Здесь я понял, что собранные мной амурские насекомые не перенесут такую страшную грунтовую дорогу на запад, даже тщательная мягкая упаковка не гарантирует сохранности против такой страшной тряски³. До Иркутска мы должны были достаточно настрадаться от этих колдобин. Они возникают из-за многочисленных караванов, которые едут с Ирбитской ярмарки, и тех, которые привозят туда чай из Кяхты. Снежная дорога обычно слишком узка, чтобы свободно разъехаться, при этом они следуют друг за другом, часто по 70–80, и возчики караванов должны громко кричать, чтобы им при обгоне уступили дорогу, наполовину сворачивая с пути в сторону. В таких случаях наш ямщик по возможности торопился быстро проскочить мимо такую караван-процессию, – понятно, что и я не мог сдержать легкого злорадства, если наш облучок заставлял пешехода и повозку утыкаться в снег сбоку. В этой однообразной местности кустарник состоял преимущественно из березы, а также в ее смеси с сосной. Многочисленные тетерева сидели на кустах, белые куропатки и пуночки разлетались в стороны. За городком Кольвань мест-

³ Видимо, Л. Грезер не читал этих писем, иначе не погубил бы около 2000 куколок чешуекрылых, отправив их зимней почтой через Россию в Германию (см.: Новомодный, 2003).

ность улучшилась, снова появился смешанный лес, дубы, осины и деревья, которых я не узнал в зимнем убранстве. Страна, о которой в смысле энтомологических исследований мне ничего не известно, скоро подойдет к этому, тем более что жить здесь легко и дешево. Перед Красноярском лес почти исчез, и местность стала бесснежной степью. Только за Канском снова появились березы и сосны, а некоторые холмы были даже густо заросшими. О стоящих вблизи дороги частью погибших, частью с обугленной корой поврежденных деревьев я буду говорить позднее – сначала я считал это последствиями лесного пожара или неосторожных огневых работ.

Наконец, 26 марта мы достигли Иркутска. Здесь мы остановились на неделю. Не только отдыхать без дела – прежде всего мы должны были ждать бумаги от генерал-губернатора. При поездках в эти дальние области рекомендации и официальные указания местным органам власти имеют большое значение, так как можно рассчитывать, что в большинстве случаев соответствующие служащие будут готовы помочь вам в снабжении. Здесь, в Иркутске, я не смог разыскать никого из энтомологов. Доктор Дыбовский отсутствовал, так же как и господин Маак, который собрал в Приамурье значительное число насекомых. Так что оставалось только осмотреть музей Географического общества и начальной технической школы. Первый владеет коллекцией насекомых, в которой были представлены в основном жуки, в том числе прелестные разновидности из окрестностей Верхне-Удинска в Забайкалье, преимущественно *Cerambyciden*, *Chrysomelinen* и *Coccinellen*; чешуекрылых было немного и больше всего обычные виды, только сатурнию *Sat. Boisduvalii* я увидел в изрядном количестве. Глядя на эти коллекции насекомых, понимаешь, что за ними продолжительное время не ухаживали, часть ящиков плохо закрыта, и вредители усердно использовали этот свободный доступ. Про насекомых с Амура я узнал, что они в большом числе упакованы в ящики, в бумажные пакеты; они происходят от господина Маака, объезжавшего в пятидесятые годы Амур, поэтому имеются в наличии только хорошо упакованные в бумагу. В коллекции технической школы, составленной с усердием, достойным похвалы, я не увидел ничего, кроме нескольких ящиков с заокеанскими экзотами, к которым были примешаны несколько общеевропейских видов. Я не ожидал увидеть в Иркутске таких немногочисленных и бедных энтомологических коллекций! Только коллекция раков, которую составил доктор Дыбовский, может считаться богатой и хорошо сохранившейся.

Нашу надежду добраться до Раддевки по льду пришлось оставить, так как проезжающие единогласно рассказывали нам, что лёд уже стал очень непрочным. Поэтому я должен был продать наши удобные сани, тем более что на больших расстояниях санный путь уже прекратил свое существование, и ожидать начала поездки на пароходе по Амуру: либо в Иркутске, либо где-нибудь в Забайкалье. Я решился на продолжение поездки. Так как возможности русских почтовых телег для размещения багажа небольшие, то мы должны были теперь всегда брать две повозки и, следовательно, удваивать количество лошадей в сравнении с тем, сколько бралось до сих пор, а так как на каждой станции нужно было брать другие телеги, приходилось каждый раз полностью все перегружать. Поездка по Байкалу происходила при изрядном морозе и была очень интересна, так как при ясной погоде вид лежащих на юге гор Хамар-

Дабан был прекрасен. На другой стороне озера дорога пошла по льду в северо-восточном направлении, вдоль холмистого, на большом расстоянии заросшего лесом берега. Великолепный лес может быть здесь, если он не будет беспощадно сожжен. Часто едешь 5–6 вёрст по такому разрушенному лесу. Местные жители забавляются во время пожара, как дети, не задумываясь, что создают себе ощутимый недостаток древесины в будущем и что страна страдает от всевозрастающей сухости.

Дальше мы ехали в основном по еще замерзшей Селенге, лед которой, однако, был уже очень плохим основанием дороги. Местность гористая и лесистая. Только около Верхне-Удинска показываются пустоши, песчаные горы и степи, но все незначительного распространения, так как вокруг всегда виднеется лес. Это были земли бурятов, которые живут здесь в небольших деревнях. Мы ехали длительное время в безлесном пространстве туда, где высокие места занимает лес, сначала больше всего берёзовый, позднее преимущественно из лиственницы с сосной, повсюду с огненными следами. Яблонный хребет, на который мы въехали, здесь не высок. Лес состоит из лиственниц; сосен и берез, к которым добавились осины, имеющиеся только в защищенных и влажных местах. 7 апреля я достиг Читы, где рассчитывал обосноваться на длительное пребывание, как это делал живший в Чите барон фон Майдель перед путешествием к Северному Ледовитому океану. Несколько теплых весенних деньков заставили быстро растаять снег ближних гор. Однако на еще мёрзлой земле, оставшейся под камнями, не находилось никаких насекомых. Только под отставшей корой пожаром омертвленных стволов имелись несколько жуков, из которых, пожалуй, наиболее ценным был угольно-черный с жёлтыми чешуйчатыми пятнами шелкун *Elater*; из бабочек я находил только пяденицу *Depress. Ciniflonella*. В комнате я поймал паука-волка, который, без сомнения, перезимовал. В лесах и кустарниках подлесок образован преимущественно даурским рододендроном, распространенным по всему Приамурью вплоть до Владивостока.

14 апреля мы покинули Читу и поехали дальше, сначала больше всего долиной Ингоды. Так как путь в последние два дня был часто очень крут, то я имел случай собрать нескольких насекомых под камнями, часто лишь мелких жуков *Cleonen* и *Chrysomelen*. В Нерчинске мы не задерживались, так как спешили достигнуть деревни или пункта Сретенск, что и произошло 18 апреля. Переправа через Шилку, лед которой уже треснул, не представляла ни малейшей трудности и работы, так как это выполнялось с помощью лодки и льдин. Так как пребывание в Сретенске было очень дорогим и окрестности не подходили для энтомологических экскурсий, я поселился в крестьянской избе в удаленной на полмили деревне Мартаган. Здесь имелись холмы, частью лысые, частью с берёзовыми и сосновыми древостоями. Но крестьянские хозяйства также выжигают здесь лес, и во время нашего пребывания воздух был постоянно задымлён от лесных пожаров. Vegetация растений задерживалась. Уже была вторая половина апреля, но нигде еще не показалась зелень, только прекрасный фиолетовый прострел *Pulsatilla* и маленький гусиный лук *Ornithogalum* начинали украшать склоны. Северные склоны гор тверды, они были еще замерзшими. Найденные надкрылья доказывали, что здесь имеются некоторые очень красивые жуки-жужелицы *Carabus*. Ловля достигалась только

усердным переворачиванием камней в местах, где солнце уже более-менее пригревало, и поиском под корой деревьев. Оказалась нередкой жужелица *Carabus*, очень похожая на *C. Hochhuthi*, которую я собирал когда-то на Savatau около Ardebil. Здесь же встречались прелестный коричневый жук *Otiorhynchus* с 4 белыми точками, несколько степных долгоносиков *Cleonus*, *Chrysomelen* и самый многочисленный, часто дюжинами под камнями – *Platyscelis* (?). Незначительными были сборы бабочек. Кроме *Ast. Nubeculosa* и *Breph. Parthenias* мне попались здесь перезимовавшие *Gon. Rhamni*, *Van. V-album*, *Polychloros*, *Urticae*, *Antiopa*, *C-album* и несколько пядениц *Depressarien*, из которых в основном *Ciniflonella*. В целом преобладала холодная погода, так как шёл сильный ледоход, почему и жизнь насекомых не очень-то могла развиваться. 2 мая наступила ожидавшаяся с нетерпением дата отъезда из Сретенска. Она происходила в сильную метель на маленьком, не особенно образцовом пароходике. Берега Шилки, обрамленные лесистыми горами, по обеим сторонам были круты, часто скалисты и представляли собой живописный вид. Пароход задерживался на остановках обычно лишь на короткое время; и мест, где он предоставлял мне достаточно времени для поиска насекомых, было очень мало. Мне казалось, что найденные под камнями на склоне горы из слюдянистого сланца жужелицы *Carabiden* были весьма обычными видами *Amara* и *Pterostichus*. За древесную кору убегали маленькие *Gelechien* и *Fischerella*; под корой пребывали несколько пядениц *Depressarien*, обнаруживших родство с *Characterella*.

На девятый день нашей поездки мы достигли Амуре – это имя река носит после слияния Аргуни и Шилки. Теперь мы проплывали мимо многочисленных отмелей, островов и островков, на которых росли ивы, осины, тополя и дёрен. Из-за того, что двигались на юго-восток, мы видели все более и более зеленеющие лужайки, а развитие хвои у лиственницы опережало его у остальных деревьев; даурский рододендрон украшал склоны гор фиолетовыми цветками. 7 мая мы прибыли в лежащий на равнине Благовещенск. Так как пароход задержался на два дня, то я имел время осмотреться. Однако местность с ее дубово-березовым мелколесьем удовлетворяла меня очень мало. Только в городе я собрал во время прогулки в посадках бальзамического тополя несколько *Gelechien* и *Depressarien*.

Во время поездки, уже при слиянии с Зеей, мы имели совсем неприятную остановку. Пароход сел на песок и при быстром понижении воды в Амуре не мог сняться с мели. Покрытая мелкими камнями песчаная банка скоро переросла в значительный остров. Пять дней мы должны были коротать здесь длинные мгновения, пока другой пароход не принял пассажиров на борт, и отправился дальше. Далее поездка проходила без задержек, и 15 мая мы достигли, наконец, Раддевки, где мы планировали остановиться на лето.

Никольск, 28 декабря 1876 г. [Второе письмо].

Данное письмо, которое повествует о моём трехмесячном пребывании в Раддевке и окрестностях, по содержанию преимущественно энтомологическое. Легко будет представить, с какими ожиданиями я достиг, наконец, этого энтомологического рая. Раддевка лежит между 48 и 49 градусами северной широты. Широкий Амур проходит здесь между Дуссе-Алинем на маньчжурской стороне и Малым Хинганом на русской. Оба хребта, пожалуй, должны объе-

диняться под другим наименованием – Хинганских гор, составляющих, наконец, единое целое с Яблоновым хребтом. Из Малого Хингана вытекает к Амуру совсем не маленькая Буря. Горы являются, насколько я знаю, не очень высокими и все без исключения облесённые. Здесь везде на обширных территориях имеются особенно многочисленные речки и ручьи, выходящие из слабо заболоченных долин и впадающие либо в Бурю, либо непосредственно в Амур. Названная в честь амурского путешественника, доктора Густава Радде, деревня Раддевка расположена в миле севернее того места, где он прожил длительное время с казаками. Она стала довольно внушительной казачьей станицей, которая тянется вдоль Амура почти на четверть мили, имеет телеграфную станцию, но не имеет почтовой. Непосредственно за ней поднимающиеся лесистые горы все же не полностью защищают её от суровых ветров с севера, так как на северо-западном конце деревни речка Лагар с заболоченной долиной открыта ветрам. Я арендовал вместе с моими спутниками крестьянский дом и жил там довольно дешево, хотя и не роскошно; так как кроме приготовленного и принесенного чая нам доставалось очень умеренное питание: из-за часто происходивших постов, хотелось нам того или нет, а приходилось в них регулярно участвовать.

В ближайших окрестностях Раддевки, представленных лугами и на берегу Амура смесью осины, ивы, клена *Acer Gennala*, спиреи *Spiraea*, черемухи *Prunus padus*, груши *Pyrus Dahurica* и боярышника *Crataegus*, я получил на первой экскурсии немало того, что к этому времени встречаются также в Средней Германии, например *Pie. Rapae*, *Leuc. Sinapis*, *Syr. Malvarum*, *Lyc. Orion*; кроме того, несколько гусениц, в том числе *Nept. Lucilla* на *Spiraea*. Первыми интересными созданиями были: прекрасный *Syrichthus*, вероятно *maculatus* Brem., и *Nison. Montanus* Br. Таким образом, я успокоился, уверившись в том, что я не приехал слишком поздно. Горы обрастают внизу склонов низкой густой кустарниковой порослью из дуба, березы, клена и липы. Поросль вырубают больше всего, так как лес слишком часто выгорает. Вследствие этого облиственные ветви для собирателя живности начинаются на вполне досягаемой высоте. Кустарниковая спирея *Spiraea* цвела на каменистом склоне, и здесь представилась прекрасная возможность добыть такие виды, как *Thecla arata* Brem. и *Pap. Xuthulus*, весеннее поколение от *Xuthus*. Довольно редкой была *Chion. Urda. Parn. Stubbendorfii*, а также *Argynnis*, вероятно *Selenis* Ev. были не особенно редкими. На дубах я находил некоторых интересных гусениц, в том числе прежде всего *Saturnia*, с желто-зелеными бородавками, из которых я с надеждой ожидал *Sat. Artemis*, но получил в немногих экземплярах похожих *Sat. Pernyi* и *Yamamai*, так как некоторые куколки погибли от повышенной влажности. Там же, на дубе (*Quercus Mongolica*), находились несколько гусениц *Catocala* и *Leucoma alba* Brem., а также похожие своим видом на *Thecla Quercus*, вероятно принадлежащие *Th. Taxila* Br., однако я не смог воспитать из них никаких бабочек. Род *Thecla* представлен здесь богато, так что почти все кажутся европейскими разновидностями, и этим далекие друг от друга местности схожи, только *Th. Quercus*, *roboris* и *acaciae* я еще не заметил. Я считаю здешнюю *Th. Taxila* замещающей для нашей *Th. Quercus*. Нечасто и больше всего в осветленных лесах встречались мне небольшие, светло-голубые сверху и коричневые снизу создания, может быть *Th. Frivaldskyi*, ко-

торой я не знаю. В горных дубняках присутствовали пяденицы, в особенно густых зарослях летала *Cab. Schaefferi* Вг., которая не относится к var. *Exanthemata*, последний я тоже здесь нашёл. Нечастой была *Selen. Albonotaria* Вг., также редка в лесу *Ereb. Cyclopius*. Мы видели, как часто в большом количестве *Agl. Tau* летали вокруг нас. На безлесных горных вершинах вместе летали *Pap. Machaon* и *Xuthulus*; последний трудно ловить, и при этом он больше всех повреждается. Не сумев заполучить целый экземпляр нередкого здесь *Hypena tripunctalis* Вг., я убедился, что она перезимовывает в стадии взрослых бабочек, так как первого сентября на озере Ханка ловил совершенно чистые экземпляры. На цветках спиреи сидели: один из слизней *Sulzella*, несколько похожий на *Adela*, *Cid. Hastata*, *Psecad. Pyrausta* и чрезвычайно похожая на них *Hypochaicia*. Вместо обычных у нас в Германии *Lycaenen Amyntas* и *Argiolus* начинал летать похожий на них и позднее обычный *Cyllarus. Nept. Aceris* появился тогда же, вместе с очень симпатичным *Syrichthus*: с большими чисто белыми пятнами на широких чёрных крыльях, вероятно, это неизвестный мне *Syr. Thetis*. Также не хватало *Thyr. Fenestrina*. На цветках этой спиреи я собирал некоторых интересных жуков, для которых я не смогу указать названий. Чрезвычайно частым была маленькая бронзовка *Cetonia* с огромным жёлтым пятном на надкрыльях⁴, с ней были три других: *Cetonien*, четыре *Cryptocephalus*, шесть-семь видов *Leptura*, два *Malachius*, несколько *Elater* и т.д. Странным обстоятельством выглядело то, что во всех окрестностях Раддевки под камнями жуков было очень мало. С дубов я стянул несколько гусениц *Geom. Sponsaria* Вг. В листьях *Veratrum* оказались серо-коричневые, волосатые гусеницы медведицы, из которых я получил в конце июня *Arct. Rubescens* var. *Amurensis*. Также были обильны пестрые гусеницы *Arct. Purpurea*. Заболоченные луга, у Лагара, например, чрезвычайно тяжелы для передвижения, если не имеют троп. Издали они выглядят заманчиво зелеными, но если подойдешь ближе, то находишь, что по щиколотку в высокой траве вертикально стоят осоковые кочки, и так как они расположены относительно друг друга беспорядочно и довольно плотно, то, попав на такой кочкарник, скоро убеждаешься в невозможности преследования здесь насекомых. На склоне, расположенном напротив Лагара, была найдена гусеница *Parn. Bremeri* Feld.

Это результаты сборов приблизительно трёх первых недель. Погода была в это время прохладной, часто даже холодной – только что не хватало в последние дни мая сильных морозов и снега. Рано утром чаще всего стоял туман, поэтому бесполезно было выходить на ловлю до 9 часов. Во второй половине дня часто проходил кратковременный дождь. В особенно холодные дни, конечно, когда ничего не летает, проверяют укрытия и убежища или ищут жуков под корой. Впоследствии обильными были сборы на пнях недавно спиленных берез (*Betula Dahurica*), на срезах которых обильно вытекающим соком оказались подманенные в особенно большом количестве маленькие жучки, среди которых некоторые могут быть редкостью. Оказалось, что в лесах этой местности живет совсем немного *Buprestiden*, я нашел из них только четыре вида.

⁴ Очевидно, *Glycyphana variolosa* Motsch., которая там распространена. Прим. редактора газеты.

Вероятно, лесные пожары является причиной того, что кора обугливается до значительной глубины. О назначении этого огня я слышал здесь различные объяснения: виной всему изобилие «лишних» лесов; это способствует лучшему росту травы для скота после пала, уничтожает комаров и снижает их численность и, наконец, возлагают вину на маньчжуров, которые, разумеется, точно так же поступают с лесом. Однако я пришел к неприятному убеждению, что русские являются природными уничтожителями древесины и губителями леса. Хотя лесные богатства еще велики, цены на древесину уже растут, так как деловая древесина находится все дальше, и вред виден уже теперь, например, то, что в Раддевке часто господствует засуха. Достаточно часто происходит так, что пожарами прерывается телеграфная связь. Приамурью пророчат большое будущее, однако стоит опасаться, что, если пагубная практика будет так продолжаться, страна станет такой же пустыней, каких имеется в далеком русском государстве уже более чем достаточно.

В начале июня жизнь, развитие насекомых продолжались, но также начинали заявлять о себе те их отряды, которые понимаются под рубрикой «вредные насекомые». Прежде всего, это были массово появившиеся, очень кровожадные и вездесущие кровососущие клещи – мельче наших обычных видов. Так же показались комары. И все это было лишь маленьким вступлением. Я направлял теперь мои прогулки в верхнюю, лесистую часть долины Лагара, где в течение многих лет не случилось никакого пожара, и поэтому развивалась разнообразная, роскошная растительность, представляющая леса Приамурья. Здесь кедровая сосна встречалась более часто. Так как казаки охотно едят кедровые орехи, впрочем, часто являющиеся гнилыми, то они долбят деревья, только чтобы взобраться на них! В этой прекрасной долине летали *Van. Burejana*, а также не особенно редкий *Ereb. Tristis*. В то же время на открытых участках болота был *Cycl. Ornatus* Wg., а позднее там часто летали *Cart. Paniscus* и *Cycl. Ornatus*. Здесь было удачное место ловли *Pap. Raddei*, которая охотно садилась на влажный песок и легко позволяла себя поймать. Она великолепна, когда десять–двенадцать драгоценных бабочек плотно, кучей сидят на солнце. Пожалуй, с некоторой осторожностью можно накрыть их всех сеткой, однако большинство, увидев, будет повреждено. К сожалению, этой бабочке ни в коем случае не суждено будет сохранить нынешнее имя, так как она является, конечно, только весенним поколением *Pap. Maackii*, как *Xuthulus* от *Xuthus*. Доказательство этого я надеюсь получить воспитанием найденных гусениц, описание которых совпадает кое в чём с описанием гусениц *Maackii* осенью во Владивостоке на амурском бархате *Phellodendron*. Со всем интересным созданием, которое летало здесь в тёмном лесу и садилось высоко, на цветках неизвестного мне кустарника являлась *Callidula Felderi* Wg. Вся её внешность соответствовала дневным бабочкам, и я поставил бы её ближе к *Libytheiden*, чем к *Lithosien*, среди которых она ныне числится⁵. Те же цветки, которые посещала *Callidula*, привлекали также *Trichodes*, маленького *Trichius* и несколько *Lepturen*. Время от времени летали *Agromonia juvenilis* Wg., *Odezia tibialata* var. всегда оказывалась в непосредственной близости от

⁵ Это совершенно забытое ныне одно из самых северных местонахождений складокрылки Фельдера!

Лагара. В траве я нашел гусеницу *Par. Schrenckii* Wg. и, кроме того, *Las. Potatoria*, редкую *Las. Albomaculata* Wg. Из прекрасных летающих сейчас пядениц я упомяну *Cid. Mandschuricata*.

Поездка на лодке к противоположному берегу Амура при неблагоприятной погоде дала очень немного бабочек, там вообще было большой удачей найти хотя бы малое количество насекомых, так как незадолго до этого всё было сожжено палом. Только в одном месте я добыл под камнями красивых жуужелиц *Caraben*.

Я намеревался попасть на Дичун, маленький приток Амура в трех милях южнее Раддевки, чтобы побывать в невыгоревшем лесу и оттуда проехать насколько возможно вглубь страны, но без собственных лошадей это было сделать трудно. С этой целью я заручился поддержкой атамана (впрочем, вследствие имеющихся у меня бумаг он был обязан помогать мне в подобных случаях), и нас с моими спутниками отвезли на лодках вниз по течению вплоть до устья Дичуна, где находилась почтовая станция. Чтобы удалось добраться отсюда до желаемого места, я хотел нанять почтовых лошадей. Мне в них отказали на том основании, что моя цель не лежит на почтовом пути. После более длинного слушания дела служащий стал более уступчивым, но объяснил, что этой весной весь лес в том месте выгорел. Тяжелая пешая экскурсия туда убедила меня в правоте этого высказывания. Поэтому я попытался использовать ближайшие окрестности этой станции, но испытал большие трудности и сократил пребывание здесь до пяти дней, довольствуясь беглым осмотром предназначенного для охоты места. Это было нелегко – пройти через долину Дичуна. На выгонах летали теперь *Eucl. Glyphica*, *Erastr. Uncana* и *Erastr. Argentula*. Часто очень заболоченные, но прекрасно облесенные распадки текущих в Дичун ручьев давали те же виды, которые встречались в аналогичных местах около Раддевки; и все же я повстречал здесь несколько пядениц, которых, как мне казалось, я еще не знаю. Повсеместно летала нежная *Odez. Kindermannii* Wg., а также *Erosia exornata*. Лучшим, что я здесь находил, был *Nept. Raddei*; эта красивейшая бабочка избегала благоухающих цветов, предпочитая вместо этого свежие человеческие экскременты, или могла иногда садиться на влажный песок Дичуна.

После пятидневного пребывания мы уехали отсюда вниз по течению Амура и расположились недалеко от устья речки Старикова. Здесь мы пробыли свыше трех недель. Я остался бы даже еще дольше, если бы не сильные дожди, создавшие такую влажность, что я должен был убоиться за собранных мной насекомых. Горы по сторонам заболоченной долины облесены дубом *Quercus Mongolica*, *Acer* sp., *Tilia cordata*, *Populus tremula*, *Betula alba* и *Dahurica*, *Fraginus* и многими другими деревьями и кустарниками, которых я не знаю, конечно. Кедровой сосны не было, пожалуй, вследствие лесного пожара. Следя высоко над Амуром, по скалистым и крутым обрывам тянется цепь телеграфных столбов. По обеим сторонам на значительном расстоянии от нее лес сведён и около единственной грунтовой дороги вдоль реки. Такие места очень подходят мне для ловли насекомых. Берег реки тоже иногда удовлетворяет процессу ловли, так как из ближнего леса чешуекрылые прилетают, чтобы утолить жажду на влажном песке. Прекрасно облесенные горы на противоположном берегу точно так же богаты насекомыми; там, особенно на северных

склонах гор, встречались прекрасные *Carabus*. Лагерная жизнь имеет как удобства, так и теневые стороны. Когда наслаждаешься на природе чувством полной свободы, но употребляешь изо дня в день суп из так называемых сухарей (высушенных остатков хлеба, иногда заплесневелых), то все же иногда мечтаешь иметь совсем небольшое количество чего-то другого – масла и риса, и наряду с этим чай. К этому времени охота давала мало, только однажды нам удалось подстрелить изюбра, и на некоторое время прекратить пост! Ночами стало ощутимо холоднее, в то время как днем стояла почти невыносимая жара, времяпрепровождение в которой было очень нелегким. И все же мы должны были наколоть и упаковать пойманных здесь насекомых, так как невозможно заниматься подобной работой снаружи. Если дождь был не слишком силён, то его удерживала стена палатки, однако при сильных грозových дождях, повторявшихся в последнее время почти ежедневно, палатку заливало водой со всех сторон, и в таких условиях едва ли было возможно защитить вещи. Это обстоятельство побуждало меня покинуть после трех недель очень благоприятное для сборов место. Причиной немалых страданий служили многие колющие насекомые. Клещи, которых я уже упомянул выше, довольно быстро отошли, однако теперь появились другие мучители, которые иногда делали невозможными сборы. Такими являются шесть – восемь видов слепней, которые появляются вокруг все одновременно, отравляя существование сборщика. Они частью относятся к внушительным тварям, которые будут украшать любую диптерологическую коллекцию; но здесь, где их многие тысячи, я посылая в их адрес только проклятия, желая только одно: чтобы они отстали. Создавая шум, причиной которого они служат, что уже достаточно неприятно, они препятствуют также ловцу бабочек: во всяком случае те слышат, если такой преследуемый гулом охотник приближается к ним. Дождёвки *Chrysops*, которые, как известно, также кусают, здесь нечасты. Еще хуже слепней была мошка *Simulien*, которая мучает собирателя целый день и часть ночи. Она начинала свои действия с рассвета и продолжала примерно до 8 часов вечера. Слепни нападали с 10 до 3 часов после полудни. С ними была большая мошка *Simulie*, я верю, что того же вида, который имеется также в Волге. Самым плохим является то, что она предпочитает места около глаз, и распухшие веки мешают нормальному зрению. Она расстроила мне некогда удачную ловлю. От четырех до шести часов налетает самый крупный вид, к счастью, кусает он не очень часто и колет неспешно. После захода солнца до полуночи доводит до сумасшествия совсем крошечный вид, гнус [мокрец]; он ползает в волосах и больно кусается. Комары появляются преимущественно в конце июля и преследуют собирателя больше всего к вечеру. Здесь, в Никольске, они кололи меня еще в последние дни сентября, даже после того, как уже прошло несколько ночных заморозков.

С успехом применялась ночная ловля на лампу, если это позволяла погода. Конечно, этот способ был возможен не всегда, так как холод, дождь или лунный свет часто препятствовали ему. Следующие виды были добыты вследствие применения этого вида ловли: *Smer. Caecus* Br., *Maackii* Br., *Tatarinovii* Br., *Clost. Timon* и *Timonides* Br., *Th. Derasa*, *Plus. virgo* и *cheiranthi*, *Brahm. Undulata*, *Geom. Vernaria*, *Calpe thalictri*, *Mac. indictinaria* Br., *Bot. basipunctalis*,

Omioid. heterogenalis Br., *Mam. Splendens*, *Cymat. Albicostata* Br., *Zeth. subfalcata* Br. и *musculus* Men.

На лесистых горах я добывал, но совсем редко *Par. Deidamia*, и там же, но гораздо чаще *Par. Dejanira*. Только в числе немногих и довольно потрепанных экземпляров я добыл интересную *Thecla*, имеющую на конце крыла широкое оранжевое пятно на черном, с нижней стороны рисунок напоминает кое в чем *Th. Betulae*. Там же держалась поблёскивающая голубым *Th. Smaragdina* Br. В известных местах нередко летал *Parn. Felderi*, но ловить его было очень тяжело. На уже упомянутой телеграфной просеке очень редкой была *Col. Aurora*, вероятно, местами она должна встречаться в большом количестве. Она и *Thecla dispar* охотно садилась на красную лилию (*Lilium tenuifolium* ?). Из *Pteris* я спугнул однажды *Plus. Zosimi*. Здесь летал также единично *Rhyp. Flavomarginata* Br., и там, где рос роскошный кустарник, *Arct. Rubescens* var. *Amurensis*. Однажды я добыл в распадке с ручьем *Leucoma subflava* Br., и здесь же держалась *Hesp. Ochracea* Br. Имелось довольно много представителей из родов *Hypena*, *Herminia* и *Bomolocha*. На берегу Амура собирались вместе и были очень многочисленными следующие виды: *Neptis* sp., *Philyra* и *Thisbe*, *Limen. Populi* и *Amphyssa* Men.?, *Athym. Nycteis* Men, *Ap. Iliia* var. *Clytie* и однажды *Adol. Schrenckii* Men. Кроме массовой *Apor. Crataegi*, я часто встречал на берегу *Apor. Hippia*. Появились *Arg. Paphia* и *Sagana*, последний из двух часто встречался в июле, особенная самка *Sagana* всегда придерживалась леса. *Arg. ella* я ловил только однажды. *Lyc. Cleobis* Br. больше предпочитал кустарник. Некоторые *Melitaen* мной не определены, тем не менее уверен в *Protomedea* Br. и *Plotina* Br. В последние дни моего пребывания появились *Gon. Aspasia* Men., *Pieris Melete*, *Melan. Halimede* и выдающаяся своими крыльями *Par. Schrenckii. Pap. Xuthus* исследовал берега. *Satyr. Baldus* летал только на заболоченных участках леса. *Dionych. Niveus* Men. попал в мои руки дважды. В первые дни моего пребывания вечерами вился в низком кустарнике и подлеске *Hep. Variabilis* Br. *Bol. Maximowitschii* Br. я ловил однажды в светлом горном лесу.

Жуков в первую неделю было довольно много. На цветках пиона были часты двадцатиточечные прекрасные *Hoplia*: светло-зеленые в черных точках и очень заметные *Leptura*. Остальные были по большей части те же, что я наблюдал уже около Раддевки. Вечером прилетали к огню или к лампе тысячи светло-зеленых *Phryganiden*.

12 июля мы покидали реку Старикова, так как опасность потерять собранных мной насекомых из-за высокой влажности становилась все более реальной; уже были погублены несколько прекрасных созданий вследствие того, что из гусениц я не выводил и десятой части бабочек. Так как поездка на лодке против течения была весьма затруднительной, особенно потому что Амур сильно поднялся после ливней, то я должен был ожидать парохода до Раддевки в расположенной вниз по течению маленькой, наполовину покинутой станции Помпеевке. Тем не менее на почтовой станции я получил очень хороший приют. Дождь шел ежедневно в течение шести дней, обычно выпадали грозовые дожди, которые никак не охлаждали воздух. Так происходило уже с восходом солнца, в это время вообще почти весь день Хинган окутан сильным электрическим напряжением; часто бьют молнии, изливается сильный дождь.

На телеграфной станции в такое время невозможно работать. В паузе между гроз я еще собрал здесь кое-что – разное. Вокруг черемухи *Prunus padus* летала многочисленная *Halhia Erypilus* Men., на скалистых склонах была нередкой *Par. Epimenides*, и всюду наблюдал *Sat. Dryas*, *Coen. Amaryllis* и *Oedipus*, *Epineph. Hyperanthus*. Редко встречались *Syr. Inachus* Men. и *Thecl. Taxila*. *Parn. Nomion* я ловил однажды даже посреди деревеньки.

18 июля я покинул Помпеевку и высадился на другое утро снова в Раддевке. Здесь не исполнились мои ожидания насчет обильной ловли. *Col. Aurora*, на которую я рассчитал, нигде не было видно в нужном количестве. От добычливых мест сбора, расположенных на берегу Амура, пришлось отказаться, так как река значительно поднялась и скрыла большую часть непосредственно самого берега; нужно было бояться, что деревня будет затоплена, и в таком случае я должен был бы спасать мои вещи около высоко расположенной почтовой станции. К счастью, этого не произошло, высокий уровень воды испортил некоторые хлебные поля, но все же не достиг домов. Бабочки быстро увеличивались в числе видов и особей; при этом были в большинстве в таком плохом состоянии, что их сбор себя едва ли окупал. То же и с ночной ловлей, на которую я очень рассчитывал, она была бесплодной из-за повышенной влажности и холодных вечеров. В лесу в определенных местах на вывешенную приманку прилетали: *Cat. Electa*, *Carad. Lenta*, *Amphip. Livida*, *pyramidea*, *perflua* и *Schrenckii*, последний из двух собранных был очень облетанным. К лампе летали: *Paida obtusa*, *Plus. Virgo*, *Calpe capucina*, *Carad. Tristis* Br., *Cuc. Fraudatrix*, *Asop. Regalis* и другие выигрышные разновидности. *Catocalen* были представлены бедно. Мне удалось добыть только немного *Cat. Dula* и два вида с желтым на задних крыльях; *Cat. Lara* я поймал только единственный раз. *Par. Epimenides*, как и *Th. Taxila*, теперь стали совсем нередки в горах, но большинство было уже потрепанными. Я поймал, к сожалению, только экземпляр очень поврежденной оранжевой *Thecla*. На цветки спиреи в заболоченных местах слетались отдельные *Synt. Thelebus* Br., *Nacl.(?) Octomaculata* Br., *Lim. Sydyi*, *Arg. Laodice*. На заболоченных лугах имелся очень красивый, бледно-серый *Adela. Mac. Nigronoraria* Br. также предпочитал болотистые места. Впрочем, в это время – в начале августа – болота были повсюду, так как ежедневно и часто целыми днями лил дождь. В смешанных зарослях обрывистого склона мне попался *Set. Flava* и замечательный огромный вид с белыми мазками на крыльях. *Remig. Ussuriensis* я добыл только однажды. Некоторых разновидностей, которых собрал уже около Помпеевки и Стариковой, я не упомяну здесь снова. Прогулки от моего пристанища вплоть до Екатерино-Никольского приносили относительно небольшое количество ценного. *Parn. Nomion*, *Col. Aurora* и *Sat. Amphitheia* Men. были еще отличны. Сносным сделали конец моего собирательства в Раддевке пяденицы, которых я ловил в массе на цветках конопли в садах деревни. Они красно-коричневые, как *Melit. Didyma*, и имеют похожие на *Melitaean* черные пятна. У самца имеется внутренний рант сверху задних крыльев.

После возвращения из Раддевки я улаживал коммерческие дела в Благовещенске. Дождливая погода полностью препятствовала охоте за насекомыми. Во время прогулок я нашел на бальзамическом тополе гусениц коконопряда в количестве 400 штук и брал их с собой. Они ели черемуху *Prunus padus* и дру-

гой корм (бальзамический тополь я встречал только в немногих пунктах вдоль Амура и Уссури), они росли, но все погибли, последний в Никольске. Мои спутники намеревались перезимовать в Раддевке. От Екатерино-Никольска местность по обеим сторонам Амура плоская и слабо облесенная. Только напротив Хабаровки горы снова подступают близко к реке. Про поездку до Хабаровки я не могу сказать ничего энтомологического, ее можно было бы описать, как мучение комарами, которых пассажиры должны были выдерживать вечером и ночью. Так как я должен был три дня ждать в Хабаровке уссурийский пароход, я арендовал для себя маленькую комнату и прочесывал местность, если погода это позволяла. Без сомнения, здесь имеются очень благоприятные места, однако сейчас было мало времени, чтобы их находить. В кустарниках не была редкой одна похожая на *Euryale*, но уже вся облетанная *Erebia*. Я поймал самца нежной *Euchl. Subtiliaria* Br.

Хабаровка расположена очень удачно и будет подходить для постоянного расквартирования собирателя, если жизнь здесь будет не очень дорогой. Маленький уссурийский пароход пришел, наконец, и повез меня в следующие дни вверх по Уссури. Общество было приятным, виды берегов впечатляли. Особенно дремучий, еще не прочищенный и невыгоревший лес, покрывающий хребет Хехцир, кажется, многое обещает энтомологам. Пребывание парохода в местах различных остановок было коротким, но иногда с некоторым успехом я имел вылазки на берег. Постепенно мы приближались к местностям, заросшим кустарниковыми зарослями, а нужно заметить, что они являются удобным убежищем тиграм, которые здесь, особенно зимой, показываются достаточно часто. Также хребет Цифаку, расположенный примерно под сорок шестым градусом северной широты, может быть богат насекомыми. Злаковая степь располагалась преимущественно с левой стороны, а от казачьей станицы Буссе она была на обоих берегах. Выше от этой станицы мы оставили Уссури и ехали дальше по узкой, извилистой, желто-коричневой Сунгаче. По большей части обрамленные ивовыми зарослями берега сначала красивы, но потом теряют свою привлекательность из-за однообразия. Местность здесь не населена, но имеются отдельные пограничные посты или хозяйства маньчжуров. На дровяном складе я смог совершить маленькую экскурсию в заболоченную степь, покрытую высокой травой, но хорошо представлены были только комары-мучители *Culices*. На огромном болоте росли в большом количестве отцветшие лотосы *Nelumbium speciosum*. Пока мы не достигли озера Ханка, я смог еще однажды спуститься на землю. Здесь я находил некоторых прекрасных *Chrysomelen* и на ивах гусеницу *Smer. Caecus*. На широко раскинувшемся маленьком море-озере западный ветер вызвал такое сильное волнение, что я заболел морской болезнью. В Камне-Рыболове, которого мы достигли 31 августа, мои спутники телеграфом заказали всех имеющихся почтовых лошадей. Таким образом, я должен был ждать здесь целый день, что мне не было в тягость, так как при великолепной погоде я мог провести рекогносцировку окрестностей озера. Низкие холмы покрыты дубами, кленами, осинами, ивами и низким кустарником, а напротив озера в нескольких местах они были скалисты. Здесь летал обычный *Col. Erate*, а на обнажениях я ловил свежих *Hyp. Tripunctalis* Br., который зимует в виде взрослой бабочки. Также я обнаружил здесь маленькую странную пяденицу, похожую на *Pugera*. На дубах сидели

гусеницы, очень красиво окрашенные зеленым, красным и голубым, которые, кажется мне, принадлежали к *Cochliopoden*. Оба вида я собрал впоследствии около Никольска. 4 сентября я достиг Никольска. Я заканчиваю это письмо. Вероятно, я смогу впоследствии сообщить кое-что о моем пребывании в этом месте.

[Третье письмо, видимо написанное уже после возвращения в Германию].

Эта маленькая населенная русскими деревня Никольск лежит на невысоких более или менее облесенных горах, окруженных злаковой степью. Лишь в немногих милях к северу находится водораздел между бассейнами Амура и Суйфуна, в последнем из которых расположен как Никольск, так и вся территория до Владивостока. Горы и холмы состоят почти только из одного третичного песчаника, который, однако, сменяется уже немного южнее Никольска пористым базальтом, и только в морской бухте при устье Суйфуна снова имеется место с песчаником, содержащим известняк. На обоих берегах кое-где облесенного Суйфуна растут главным образом многопородные леса из известных мне и необычных деревьев и кустарников. Летом эти лесные береговые массивы и большая часть степи бывает затопленной, и вследствие этого их невозможно считать удачным местом, во всяком случае для сборщика насекомых. Когда я прибыл сюда в сентябре 1876 г., степь была еще в богатом цветении. Наряду со многими мне совершенно неизвестными растениями, цвели многочисленные *Aster Maackii* и два или три очень близких к ней вида, *Veratrum*, *Gentiana*, замечательный *Pedicularis* и так далее. Несмотря на это, степь была бедна насекомыми. На холме, обросшем с южной стороны травой, низкими дубами и кустарниковыми зарослями, а с северной стороны более высоким кустарником и более старыми деревьями, животных имелось гораздо больше и лучшего качества. Здесь я находил в подросте дуба три вида гусениц *Cochliopoden*, а также несколько гусениц *Smer. Maackii* Wg., воспитание которых мне не удалось, к сожалению. Дальше находятся довольно слабо облесенные горы с дубами, под которыми растут ильм, осина, липа, береза. Собственно чаща начинается только на расстоянии трех миль. Здесь имеются еще великолепные древостои из *Abies Sibirica* (?) и *Pinus Cembra*, прекрасные разновидности клена, интересный *Phellodendron Amurense* (здесь называемый пробковым деревом), акациевидная *Maackia Amurensis*, которых здесь в достатке.

В конце сентября я съездил на три недели во Владивосток. Первоосновой такой поездки и в этом крае, и в русском государстве вообще, является станция, где перезапрягают лошадей, по существу составляющая основу дорожно-го движения. То, что значительная часть пути часто покрыта камнями порядочной величины, не делает поездку приятной. Так едут до расположения войск в [с.] Раздольном, дома которого расположены на весьма живописном зеленом склоне красиво облесенной горы. Отсюда по распоряжению правительства должен начинаться собственно почтовый тракт до Владивостока, однако в действительности он еще не был так готов, как на бумаге, хотя, как рассказывали мне неоднократно, для строительства этой трассы ежегодно выплачиваются большие суммы, которые обычно так же ежегодно бесследно исчезают. Однако чтобы теперя оплатившему дорогу путешественнику попасть во Владивосток и его окрестности, еженедельно курсирует между этим

местом и Владивостоком принадлежащий правительству пароход. На нем по любезному разрешению капитана все путешественники могут ехать безвозмездно, но только для этого на пароходе нет никаких удобств. Поломка этого парохода была причиной шестидневной задержки. Мне она не была неприятна в том отношении, что пребывание в здешних лесах давало мне случай усердно поэкскурсировать. По причине уже очень позднего времени года и предшествовавших заморозков мои сборы чешуекрылых, естественно, не могли быть значительными, и поэтому я собирал преимущественно короедов и грибных жуков. Но все же я имел и лепидоптерологический успех; так как мне удалось, наконец, найти давно и безрезультатно искомую гусеницу *Papilio Maackii*. Как я смог убедиться, эти гусеницы принадлежат к разновидности, установленной как *Pap. Raddei*, и они являются только первым поколением *Pap. Maackii*. Часто еще не вполне выросшие гусеницы должны из-за недостатка корма преждевременно окукливаться, превращаясь затем в более мелкую, ярко окрашенную бабочку. Я собирал этих гусениц также около Владивостока, всегда только на молодом подросте *Phellodendron*, в то время как в начале июля 1877 г. я находил гусениц *Maackii* только на деревьях.

Во Владивостоке состоялось мое приятное знакомство с купцом из Гамбурга господином Р. Дикманном [R. Dieckmann], который с самой большой любезностью помогал мне словом и делом. У него я увидел сначала несколько экземпляров здесь пойманной интересной *Luehdorfa Putzilo* E. Тут, в городе, в теплые дни летала *Vanessa Callirhoe*. Еще раз я ездил туда в октябре по делам (магазинным), но в такое позднее время уже ничего из насекомых не встретилося.

Теперь началась моя зимняя жизнь в Никольске. Если я в достаточной степени не загружу себя делами, то она станет мне невыносимой; поэтому я взялся за разборку и упорядочение собранного за прошедший год. Также я делал, если это позволяла погода, случайные выходы по окрестностям, чтобы исследовать благоприятные места для возможного летнего пребывания в дикой местности. При этом я имел случай поучиться обживать в лесу, как это умеют маньчжуры. То обстоятельство, что дружественно настроенный ко мне и живший в Никольске офицер (инженер) искал в окрестностях известняк, было для меня очень кстати, иначе я едва ли нашел бы случай делать прогулки так далеко. Жаль только, что летом ничего не осталось из всех этих прекрасных планов жизни в здешней дикой местности. Главной причиной этого была начавшаяся русско-турецкая война, вследствие чего здесь вообще считали неизбежной войну с Англией. Если бы это произошло, то с началом весны через несколько дней английские военные корабли из Китая достигли бы Владивостока, этого недостаточно защищенного от бомбардировки места. Этого не произошло, хотя эти опасения остались, остался и я, отложив мое запланированное переселение во Владивосток на более поздний срок, когда все будет хорошо. Чтобы было так, как первоначально планировалось, я должен был еще в зимнее время перебраться во Владивосток, а это прибытие состоялось только 3 мая. Я имел также случай возмущаться на происходящие вокруг пожары. Как я ранее уже писал Вам, это безобразие происходит во всем Прибайкалье и Приамурье, однако здесь оно вместе с тем сопровождается еще большим количеством неприятностей. Я мог наблюдать здесь эти огненные мероприятия в непосредственной близости. Это происходило неоднократно, а

однажды заставило меня во время экскурсии покинуть участок леса, находившийся в получасе от мощного лесного пожара. Это верно, что огонь всегда имеет происхождение от степи с сухой травой; но, как это приходит на ум наблюдающему за травяным пожаром, при часто очень сильных ветрах огонь скоро захватывает кустарник и сжигает его на значительных расстояниях. А как легко можно было бы, если только обладать доброй волей, ограничить огонь степью, как при не слишком сильном ветре удалось сделать мне (в одиночестве!), однажды погасить такой травяной пожар. В действительности население испытывает детскую радость, если лес сильно горит. И при этом эти люди не понимают, что таким легкомысленным опустошением наносится ущерб, так как уже теперь дрова довольно дороги, и строевой лес отдалается на все большее расстояние. Хотя теперь, как я знаю, закон запрещает такие лесные пожары, должны штрафовать кого-то за это. Но это же является следствием большого количества леса, и в глазах этого несовершеннолетнего народа ему не может быть никакого конца! Однако не только посредством пожара здесь произойдет лесное оскудение, но даже власти способствуют значительному разрушению лесов. Так, прошлым летом маньчжуры и корейцы посылались ими в лес в качестве лесорубов, которые должны были прорубить просеки, повалив по этой причине самые прекрасные деревья. От этой погубленной древесины в дело используется незначительная часть. Все остальное остаётся лежать и гнить или даст пищу огню, пришедшему следующей весной. И при этом разрешают себе роскошь иметь незначительное число лесных служащих в лице одного главного лесничего на всё огромное Приморье, но лицемерно сокращая все нижние чины. Что он может сделать, один для такой большой области? Проживая в лесу около Владивостока, он показывает, однако, что и здесь, в ближайших окрестностях, проявляя добрую волю, можно соблюдать порядок в малом. Это достаточно характерно для всего восточно-сибирского состояния умов. К сожалению, губернатор, немец, ничего не может сделать против этого, так как непременно не находит здесь у остальных служащих никакой поддержки⁶.

Весенние экскурсии около Никольска не были особенно успешными. Выманенные теплой погодой бабочки были сильно потрепанными, перезимовавшими. *Gonopt. Aspasia* в местах произрастания своей *Rhamni*, которая здесь распускается в то же время, что и у нас [в Германии]. *Vanessa Antiopa, L-album*, – последняя из двух в большом количестве, несколько обычных *Orthosien*, я едва ли способен сейчас определить различных *Depressarien, Teras* и так далее. По сравнению с европейской фауной, не хватало *Brephos Parthenias, Asterosc. Nubeculosus*. В стволах сидел общий [с Европой] *Hibernia Leucophaearia*, а также совсем свежий, вероятно, новый вид *Lobophora*. Ценность, которую я повстречал здесь к концу и которая летала в защищенных от ветра освещенных кустарниках, была интересной – *Luehdorfia Putziloii*. Бабочек было немного, однако они были совершенно свежими, только что вышедшими из куколки. Это был повод к отъезду в следующие дни во Владивосток, так как мне было известно, что эта бабочка летает там в большом количестве, в то время как я

⁶ Густав Федорович фон Эрдман (29.12.1818–27.1.1883). В 1875–1880 гг. военный губернатор Приморской области Восточной Сибири, полуостров Де-Фриза в Амурском заливе близ Владивостока раньше носил его имя.

ожидал её здесь по различным причинам немногочисленной. Если бы я был ясновидящим, то спокойно остался бы здесь, и, вероятно, собираемые виды не были бы массовыми, но все же обычными. А так я не знал, что во Владивостоке пробуждение растительности вследствие холодных юго-восточных ветров произойдет, по крайней мере, на две недели позднее, чем у Никольска, и не предполагал, конечно, что там *L. Putzilo* едва ли будут летать. Однако меня ввела в заблуждение плохая, совсем белесая, уже переутомленная самка, которую я видел с лошади на полпути к Владивостоку. И действительно летали около Владивостока почти только одни самки, немногие из них были еще свежими. Итак, мне оставалось только найти гусеницу и провести самую большую часть лета во Владивостоке. Все прекрасные планы, которые я принимал зимой, таким образом, пришлось отменить. Впрочем, я не решаюсь сказать, большая или меньшая часть удачи явилась следствием этих обстоятельств. При обильном дожде мое пребывание на всей уссурийской и приморской территории имело бы мало пользы. Так как я нашел гусеницу *L. Putzilo*, то в подтверждение этого намереваюсь сделать ее описание в работе по результатам поездки; поэтому опушу здесь какие-либо подробности⁷. Я обнаружил около Владивостока гораздо дальше зашедшее развитие вегетации растений по сравнению с Никольском, что являлось для меня неблагоприятным фактором. В это время в прошлом году близ Раддевки на Амуре схожие виды летали еще очень мало. Самыми ценными были *Syrichthus maculatus* и *Nisoniades montanus*. Части известных в это время в Германии перелетных весенниц здесь также не хватало. Некоторые прекрасные виды встречались на Амуре хотя и не часто, но все же в некотором количестве были доступны, здесь же они отсутствовали или показывались только очень редко, как, например, *Thecla Arata* Вр. и *Th. Frivaldzkyi*. Несколько раз на цветущем желтым очитке *Sedum* я находил гусениц *Parn. Nomion*, а между листьями *Marrubium versiponnen* – от *Syrichthus gigas* Врем., последний из двух довольно часто. Воспитание удавалось плохо. Сборы бабочек этого времени состояли больше всего из молевидных чешуекрылых, которыми были в большинстве старые мои знакомые из Германии. Все-таки имелись в их числе также и некоторые интересные разновидности, такие как, например, желто-пятнистая *Nematopogon*, *Aechmia* и *Glyphipteryx*, которая, кажется, будет совершенно новой. *Selenia albonotaria* Вр. и две других мне неизвестных разновидности *Selenia* были найдены по отдельности на облесенных склонах гор. На вершинах летали совсем немногочисленные *Pap. var. Xuthulus* и *Pap. Raddei*. Оба упомянуты как первое поколение *Xuthus* и *Maackii*, в чем я убедился воспитанием гусениц. Также редкими перезимовавшими экземплярам была представлена здесь *Vanessa Gallirrhoë*. Позднее показался *Argyn. Oscarus*, которого я, к сожалению, посчитал за *Euphrosyne* и собрал совсем немного.

Теперь растительность, которая здесь еще разнообразнее, чем на Амуре, развилась полностью. В общем-то в лесах преобладают те же породы деревьев, как и там: *Quercus mongolica*, *Tilia cordata*, *Betula alba* и *B. Daurica*, *Fraxinus*, *Fagus*, Асег в нескольких великолепных разновидностях (на Амуре, кажется, некоторые отсутствуют), *Pinus Cembra* и *Abies Sibirica* (?), *Phellodendron Amurense* (на котором живет гусеница *P. Maackii*), несколько видов *Evonymus*,

⁷ Видимо, публикация не состоялась или остаётся нам неизвестной.

Berberis, Ribes sp., Rubus, два вида Maximowitschia, вьющихся растений, одна из них плодоносит очень вкусными ягодами, а другая всегда ядовита. Maackia Amurensis распространена очень широко. Также здесь имеется четыре или пять Lonicera, на которых живет гусеница *Limen. Helmanni*. Совсем необычно, почти пальмой выглядит *Agalia* с колючим стволом. Также я встречал *Vomax ricinifolium*, выглядевшую как прямоствольное дерево. Очень большое количество ценного летнего времени мы потеряли дождливыми днями, часто следовавшими друг за другом, по пять–шесть дней подряд. Очень частые туманы тоже мешали ловле. Во всяком случае, здесь встречалось меньше дневных бабочек, чем на Амуре. Всегда ли здесь так происходит или только в это, особенно сырое и холодное лето, я не могу сказать, но я верю, что чем дальше вглубь страны, тем она защищеннее от холодных морских ветров. Высокая влажность стояла поздним летом, при этом было совсем тепло, что для моих коллекций являлось очень пагубным, так как, несмотря на всю тщательность упаковки, я не мог сдержать появления плесени. С началом июня заметно возросло видовое богатство насекомых. На травянистом склоне и в освещенном кустарнике был теперь обычен *Agromonia Juvenilis* Br.; *Parn. Stubbendorffii* также можно было часто встретить повсюду, более редка в горных лесах *Erebia Tristis*. *E. Cyclopia* и *Oen. Urda*, которых я ловил на Амуре, здесь я не встретил; то же в отношении *Theclae Arata* Br. и *Frivaldzkyi* встречались чрезвычайно локально. Изящный *Odezia tibialis* var. *Eversmannaria* также был более редким в сравнении с Раддевкой. В туманные дни не было возможности успешного сбора бабочек, да и поиск гусениц был сомнительным, так как все деревья промокли. Поэтому такие дни посвящались охоте на жуков. Укрываясь под камнями, здесь встречались великолепные жужелицы *Caraben*, например, *Smaragdinus* и подобный ему блестяще-зеленый *Carabus*, большой черный, с глубокими длинными бороздками надкрыльев, замечательный красотел *Calosoma*, множество маленьких цвета бронзы. Все эти виды были для меня очень желанны; только, к сожалению, они были редкими, и поэтому их сборы я никогда не называю богатыми. Также многократно повторенное привлечение на приманку не давало никакого особенно приличного результата. Хотя во мху имелось много жуков, но, за немногими исключениями, они все были хорошо известны. При этом переворачивании камней я совсем не редко находил гусениц *Arg. Aglaja*, которая живет преимущественно на листьях желтоцветковой фиалки. То же относится к *Arg. Adippe* var. *Chloradippe*, а однажды я нашел гусеницу перламутровки, которую посчитал за *Paphia*, однако вывелась из нее *Arg. Anadyomene*. Среди населяющих ветки кустарников жуков были *Attelabus* и *Rhynchites*, представленные в виде многих разновидностей, а позднее тут объявились разнообразные усачи *Cerambycinen* (*Saperda*, *Phytoecia*, *Leptura*). Часто весьма обильные сборы жуков я делал на березовых пнях от *Betula Daurica*. Если заранее, за несколько недель, подрубить понравившееся дерево, из него начинал вытекать сок, вскоре густеющий и образующий красную, прогоркло пахнущую желеобразную массу. Я знаю немало найденных здесь жуков. Таким способом я поймал двадцать видов. На подросте дуба я несколько раз находил похожую на подобную у *Thecla Quercus* гусеницу *Thecla Taxila*, вида, который Бремер описал только по коричневой самке, считая, что оба пола одинаковы, в то время как мне было трудно определять коричневых самок и зелено-голубых самцов, которые также имеют сходство с

Thecla Smaragdina и, пожалуй, до сих пор смешиваются вместе. На различных других растениях я добывал гусениц *Arctia Rubescens* var. *Amurensis*. На липе я нашел однажды гусеницу, совсем похожую на виденную у *Cat. Alchymista*. Однако позднее она развилась в *Catoc. Lara* Вг. На дубе я находил гусениц *Leucoma alba* Вг., *Ocneria dispar* и других, скорее всего, новых видов. Гусеницы обоих так похожи, что их путают. Оба имеют много желтого в окраске, чего у нашей гусеницы *O. Dispar*, пожалуй, никогда не наблюдается. Очень редкой была также гусеница *Geom. Sponsaria* Вг. На неизвестном мне бобовом растении нередко жила гусеница *Lyc. Cleobis*. Ночная ловля в это время была еще малоприбыльной. Прилетели однажды серый *Sphinx spec.* и *Synopsisia*, живущий, во всяком случае, на полыни, последний из двух нередок. Я не упоминаю здесь некоторых из наших широко известных немецких бабочек, это будет излишним. На дубах, так же как на полыни, которая обильно растет здесь на обнаженных склонах, я находил в чехликах из обрывков листьев гусениц *Phorodesma*, из которых на дубах – *Phor. Pustulata* Hfn. var., и другие, очень схожие – *Ph. Albicostaria* и *Ph. Smaragdaria*. С нижней стороны листов часто сидел *Hepialus Variabilis* Вг. Как особенную редкость я добыл очень испорченную *Saturn. Artemis* Вг. В середине июня начала летать *Arg. Anadyomene*, ей следовала *Arg. Paphia* и редкая *Arg. Sagana*. На перевалах и вершинах держались *Syr. Gigas* и *Nison. Thetis*. Я обнаружил на дубе свыше пятидесяти штук гусениц *Sat. Boisduvali*. Многих воспитать не удалось, так как большей частью они были паразитированы мухами тахинами, а здоровые закончили развитие и окуклились уже во время поездки по морю.

Нередкую в окрестностях Раддевки странную *Callidula Felderi* я встретил здесь лишь однажды. Вместо ожидавшейся и долгожданной гусеницы *Sat. Artemis* на дубе нашлась весьма своеобразная гусеница другого вида сатурнии, которая была новой, во всяком случае, для меня. Едва ли из-за слишком отличающейся гусеницы он не представлял собой другой, еще неизвестный вид. Несмотря на всё сходство обеих бабочек, хорошо отличающихся одна от другой разными гусеницами, их коконы также различаются: у одной разновидности он представляет собой прекрасный светло-зеленый «почти-кувшин», свободно подвешенный в кустарнике на длинную толстую нить⁸, в то время как другой хотя и похожей формы, но имеет коричневую окраску и крепко приплетен. Сейчас тут развивались обильно представленные виды *Zanclognatha*, *Hypena* и других родственных созданий, а также всевозможные *Botyden* и другие огневки. Только в конце июня здесь появились так богато представленные разновидности ленточниц *Limenitis* и пеструшек *Neptis*, которые на три недели раньше уже вылетели около Раддевки, лежащей на шесть градусов севернее. Самым частым из них был *Limen. Helmanni*, встретить которого можно было почти всегда около луж на лесных дорогах. Здесь я нашел новый вид пеструшки *Neptis*, похожий на *Lucilla*. Прекрасного *Limenitis Schrenckii* Меп. я видел лишь однажды летавшей на недостижимой высоте. В июле показалось несколько очень интересных видов *Thecla*. Кроме уже упомянутых блестяще-зеленых представителей, это были три замечательных оранжевых вида, как я считаю, еще не описанных. Ночная ловля на лампу и приманки иногда была по-настоящему прибыльна. Но я вынужден отказать

⁸ Речь идет о коконе сатурнии *Rhodia fugax diana*. Прим. редактора газеты.

себе в том, чтобы перечислять все, так как уже теперь мое письмо имеет непомерную длину. Отдельными вечерами нельзя было одолеть всю массу прилетающего, и все же имелись такие ночи, в которые, вопреки, по-видимому, очень благоприятной погоде почти ничего не летело; и в то же время несколько раз в плотном увлажняющем тумане прибывали очень многие и нежные виды. Хотя я организовывал ночную ловлю преимущественно в лесу, в часе езды от Владивостока, я все же никогда не имел неприятных встреч с дикими зверями. Хотя здесь, в стране тигра, это событие не представляет какой-то особенной редкости при днях, проводимых в какой-нибудь чаще, но, тем не менее, со мной этого никогда не происходило. К счастью, эти хищники нападают на человека только в редких исключительных случаях, но некоторые головы скота и отдельные собаки падают их жертвой. Из-за многочисленных лесных пожаров места, где собиратель может рассчитывать на большую удачу, встречаются не слишком часто. В окрестностях Владивостока огонь меньше похозяйничал в лесу, чем в глубине страны, и таким образом я не имел нужды распространять мои экскурсии на очень далекие расстояния. Я испытывал это неоднократно; но во всех лесах, пройденных весенними палами, встречал невысокую численность чешуекрылых. Действительно первозданных дремучих лесов было уже мало. Как раз в июле, главном периоде для сборов, часто и длительно моросил дождь, и принуждал меня невольно оставаться у домашнего очага. В отличие от 1876 г. я жил здесь очень приятно у гамбургского предпринимателя, который с большим участием содействовал моему предприятию. Когда в середине августа разнообразие насекомых и их численность значительно снизились, я возвратился в Никольск к оставленным там вещам. Эта поездка заняла десять полных дней, так как вся страна была затоплена. Я вынужден был задержать свой обратный отъезд на пароходе, вплоть до его возвращения в Никольск. Тянулись длинные мгновения ожидания, ведь я не смог собирать здесь насекомых, так как, за исключением двух голых, выжженных весной холмов, вследствие наводнения невозможно было достичь намеченные для сбора насекомых места. После возвращения во Владивосток я как раз имел еще достаточно времени, чтобы окончательно упаковать все перед тем, как отправиться 3 сентября на гамбургском пароходе в мой обратный путь через Японию, Шанхай и так далее в Европу.

HUGO THEODOR CHRISTOPH – RESEARCHER
OF THE RUSSIAN FAR EAST (1876–1877)

E.V. Novomodnyi

Khabarovsk Branch of Pacific Research Fisheries Centre, Khabarovsk

The course of life and scientific works of H. Th. Christoph are briefly characterized. A translation of his letters (1878), devoted to description of some details of his trip and remarks about nature of the Russian Far East, is given.